

50168

М. Н. ГАЙСИНА

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ
ПСИХИАТРИИ В РОССИИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ
К КОНЦУ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЙ

АВТОРЕФЕРАТ
*диссертации на соискание ученой степени
кандидата медицинских наук*

М. Н. ГАЙСИНА

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ
ПСИХИАТРИИ В РОССИИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ
К КОНЦУ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЙ

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата медицинских наук

16h-11 99-3/100

Из кафедры психиатрии Банкирского Государственного медицинского
института имени XV-летия ВЛКСМ
(Зав. кафедрой — доцент А. С. Борзунова)

Гос. Центр. Медицинская
Библиотека
Министерства здравоохранения
СССР

459930

Отдельные разделы истории отечественной психиатрии еще до сих пор недостаточно изучены. В частности это относится к концу XVIII и первой половине XIX века, когда вместе с открытием первых домов для умалишенных начала развиваться русская научная психиатрическая мысль. Необходимость изучения этих пробелов в истории отечественной психиатрии определяется тем, что по неправильному, но, к сожалению, общепринятому мнению в специальной литературе находит место постоянно повторяющееся утверждение, что история организации психиатрической помощи в России и тем более развитие в ней научной психиатрической мысли начинается лишь с 60-х годов прошлого столетия.

Представляется необходимым, вопреки космополитическим утверждениям ряда авторов о позднем развитии психиатрического дела в России, подчеркнуть, что гуманное отношение к психически больным в России определило и довольно раннее развитие психиатрической помощи и психиатрической науки. При этом Россия не только не шла за Западной Европой, но, наоборот, во многом опередила ее.

Изучение истории показывает, что дело организации психиатрической помощи и психиатрической науки в России было гораздо прогрессивнее даже в самом начале их развития по сравнению с психиатрической наукой и делом организации психиатрической помощи в странах Западной Европы. Если бы не гнет самодержавной царской власти, борющейся со всем новым и прогрессивным, эти достижения были бы еще более значительными.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила преграды, создаваемые самодержавием, и советская психиатрия получила все возможности для своего развития. Благодаря этому советская психиатрическая наука и дело психиатрической помощи в СССР являются самыми передовыми в мире.

Обращаясь к самым ранним материалам, можно сказать, что уже в древней Греции имели место материалистические

представления о сущности психических заболеваний. Эпоха древних веков сменилась эпохой средневековья, когда идеалистическое мировоззрение, мировоззрение христианства, заняло главное место. Этот период характеризуется упадком науки.

Религиозные представления о том, что душа, которая отождествляется с богом, является первопричиной всего и главенствует над всем существующим, были в то время руководящими. Это привело к тому, что отношение к душевнобольным резко изменилось. Все ярче начало выступать представление о том, что психически больные — это люди, наказанные богом, что они продали свою душу дьяволу и заслуживают самого жестокого наказания. Как известно, в период средневековья миллионы душевнобольных сжигались на кострах священной инквизиции. Такое положение существовало в Западной Европе до конца XVII и даже первой половины XVIII века. По последним подсчетам (данные Музея истории религии АН СССР) в Западной Европе было сожжено не менее 12 миллионов «ведьм» и «колдунов».

Необходимо подчеркнуть, что отношение к психически больным до конца XVIII века в России отличалось от отношения к ним в странах Западной Европы тем, что психически больных никогда в России не истребляли массами, с ними никогда не обращались, как с тяжелыми преступниками, их не подвергали пыткам и не заключали в тюрьмы. Терпимость к психически больным и взгляд на них, как на больных людей, характеризовали отношение к ним, существовавшее в России и до того, как возникла правильно организованная психиатрическая помощь.

Такое отношение к психически больным еще более заметно проявлялось в дальнейшем, что определило такую систему психиатрической стационарной помощи, которая в наибольшей степени соответствовала этим гуманным принципам. Первые зачатки организации психиатрической помощи в России относятся к XI веку.

Признание душевнобольных в России связано с признанием «убогих». Душевнобольной, как и всякий больной и нищий, был предметом попечения народа, осуществляемого монастырями. На пожертвованные средства учреждались различного рода убежища в виде так называемых «пристроек», «схожих», «келий», «гостиниц», «слобод нищих» и т. д.

В начале XI столетия, одновременно с основанием Киево-Печерского монастыря, было построено первое в России больничное учреждение, в котором вместе с другими «убогими»

призревались и душевнобольные. В конце того же XI столетия количество таких больниц увеличилось.

Из ряда исторических материалов отчетливо видно, что «одержимые бесом» и «лишенные разума» преимущественно содержались именно в монастырях.

Период деятельности монастырей в деле врачевания больных охватывает время от XI до XVIII века. В этот период спокойные душевнобольные рассматривались, как обиженные богом или как блаженные, т. е. пользующиеся особым божьим покровительством. Этих спокойных душевнобольных окружали особым вниманием и заботой: их кормили и одевали. В монастырях больные оставались до выздоровления. На монахов возлагались и другие обязанности, как, например, психиатрическая экспертиза. Возможность и фактическое осуществление судебно-психиатрической экспертизы в середине XVII века в России доказывает совершенно необыкновенное для того времени возникновение представления о невменяемости.

В то время как в Западной Европе сжигали десятки и сотни тысяч ни в чем не повинных душевнобольных, в России в этот же период душевнобольные рассматривались как люди, в подлинном смысле больные, не несущие ответственности за те или иные проступки.

При всех положительных сторонах дела призрения психически больных в России, в противоположность Западу, нужно отметить, однако, значительный застой научной мысли и длительное отсутствие активных попыток организовать уход и лечение на строго научных началах. Этому мешали идеалистические взгляды, связанные с религией, покорность судьбе, надежда на бога и пр.

В течение многих столетий государственная власть не уделяла никакого внимания призрению душевнобольных, удовлетворяясь тем, что попечение над ними берут монастыри и население. Только во второй половине XVII века царское правительство вынуждено было издать закон о психически больных, что обуславливалось главным образом заботой о безопасности.

Первый закон о психически больных был издан в 1677 г., в царствование Федора Алексеевича. Петр I несколькими своими указами утверждал и подтверждал прежние положения о содержании душевнобольных в монастырях.

Несомненно, что эти указы прогрессивны. Их прогрессивность особенно резко выступает на фоне полного отсутствия какого-либо законодательства о психически больных в странах

Западной Европы. Однако не следует забывать того, что самодержавие тормозило все прогрессивное, и даже императорские указы оставались без исполнения, когда они противоречили интересам правящей верхушки.

20 апреля 1762 г. Петр III написал резолюцию: «Безумных не в монастыри отдавать, но построить на то нарочный дом...» Этим указом Петра III заканчивается тот период организации психиатрической помощи в России, который предшествовал эпохе более совершенной помощи, имеющей в своей основе уже научные предпосылки.

Этот указ одного из русских самодержцев России, родившийся также под натиском народных масс, не выполнялся реакционным правящим дворянством около четверти столетия. Тем большее значение имеют достижения русской психиатрии по сравнению с Западной Европой, что эти достижения могли появиться в результате непрекращающейся и ожесточенной борьбы народа, в лице лучших представителей его, с реакционным самодержавием.

Подводя итоги этому периоду развития помощи психически больным в России, следует подчеркнуть, что в России со времени основания Русского государства к психически больным, как правило, относились как к действительно больным, заботились о них, призвали в монастырях, чем и осуществлялось гуманное по тому времени отношение к ним.

Церковь осуществляла призрение психически больных в монастырях, но несмотря на это она препятствовала всякому прогрессу в науке, в том числе и психиатрии. В этом ее резко отрицательная и реакционная роль.

В 60-х годах XVIII столетия началась новая эпоха в развитии психиатрической помощи в России. Эта эпоха характеризуется организацией специальных психиатрических стационаров, которые в то время носили название домов для умалишенных. Следует отметить, что дело организации домов для умалишенных началось не с построек новых учреждений, а с приспособления нескольких заштатных монастырей для этой цели. В 1762 г. Сенат для этого выделил 2 монастыря, один в Новгородской, а другой в Московской епархии. В 1773 г. Сенат выделил для этой цели в 3 губерниях — С-Петербургской, Московской и Казанской — по два монастыря.

В 1775 году учреждаются приказы общественного призрения, и с этого же времени начинают строиться специальные дома для умалишенных. 13 июля 1776 года именным указом предложено Макаковский монастырь превратить «в больницу

для лишенных ума». 6 мая 1779 г. последовал указ об учреждении в С-Петербурге больницы для пользования больных и сумасшедших. Этот дом для душевнобольных был выстроен в 1782 году (отделение при Обуховской больнице).

Небезинтересно, что еще в 1794 г. это отделение характеризуется одним из современников, посетившим его, как учреждение «очень чистое», где с больными обходятся «кротко» и где лечение применяется в виде диеты. Это необходимо подчеркнуть потому, что по времени (1794 г.) этот отзыв почти совпадает с тем бесчеловечным отношением, которому подвергались психически больные в Париже, о чем мы знаем из описания Пинеля, снявшего в это время кандалы с психически больных. Возможно, что такое положение было лишь в Петербурге — столице России, но несомненно, что положение душевнобольных в Париже было значительно хуже, чем в Петербурге.

Некоторые авторы указывают, что первой психиатрической больницей в России была Московская Преображенская больница, однако установлено, что первым психиатрическим учреждением в России было специальное психиатрическое отделение, созданное при Обуховской больнице в Петербурге в 1782 г., ибо в результате тщательного изучения архивных материалов доказано, что датой открытия Преображенской больницы в Москве следует считать лето 1808 г.

Несмотря на ряд отрицательных сторон в деле обслуживания психически больных в этой больнице, что связано с царским режимом, следует отметить, что история Преображенской больницы характеризуется целым рядом попыток и мероприятий по организации содержания и ухода за душевнобольными на основе естественно-научного понимания душевного расстройства.

Психиатрические воззрения первых деятелей — врачей Преображенской больницы Кибальчича, Саблера и Штейнберга — являлись передовыми для своего времени. Благодаря этой прогрессивной деятельности первых выдающихся русских психиатров в первые же годы XIX столетия происходит большой рост числа психиатрических больниц, которые строятся и открываются во многих городах России.

К 1802 году к двум имевшимся в восьмидесятых годах XVIII столетия домам умалишенных (Новгородскому и С-Петербургскому) прибавляется еще двенадцать, а именно: в Астрахани, Вильно, Екатеринославе, Калуге, Киеве, Курске, Рязани, Тамбове, Харькове, Чернигове, Ревеле и Ярославле.

Количество домов для умалишенных к 1819 г. достигло 36. Однако, как это видно из самых различных источников, многие из этих домов для умалишенных были организованы недостаточно хорошо: они были переполнены и в них, несомненно, широко применялись меры механического стеснения. Назревала все больше и больше потребность в реорганизации дела психиатрической помощи.

Новый период в организации психиатрического дела начинается с открытия в 1832 году специально построенной психиатрической больницы в Петербурге — больницы «Всех Скорбящих». Этот новый период теснейшим образом связан с деятельностью Ивана Федоровича Рюля.

С именем Рюля, работавшего еще в конце XVIII столетия в доме для лишенных ума при Обуховской больнице, нужно связать реорганизацию психиатрической помощи в России на научной и гуманной основе. Изданный им «Устав» составляет первую в России обстоятельную работу, посвященную делу организации психиатрических больниц и вообще делу психиатрической помощи.

Следует отметить, что в исторических работах, посвященных делу развития психиатрической помощи в России, имя Рюля почти совсем не упоминается. Написанный им устав явился той первичной основой, которая указала пути развития психиатрической помощи в России, достигшей в земский период своего дальнейшего развития. Изложенное в уставе с одной стороны ярко свидетельствует о передовой роли русской психиатрической мысли, а с другой — о том, что именно в нашем отечестве впервые были реализованы на практике величайшие принципы гуманизма, свойственные русскому народу.

Изучая этот устав, можно видеть, что только России обязана психиатрия системой нестеснения. Несколько не принижая значения роли Конолли, которого считают творцом этой системы, и подчеркивая даже его значение для западно-европейской психиатрии, мы тем не менее можем отчетливо видеть, что все основные положения системы нестеснения уже задолго до Конолли были применены и осуществлены в России.

Русские психиатры черпали источники в их организационной работе не из иностранной литературы, не из осмотра психиатрических учреждений Западной Европы, а из традиции отечественной психиатрии, четко провозгласившей свои гуманные принципы в конце XVIII и начале XIX столетия.

Ряд выдающихся врачей того времени и прежде всего Дядьковский, Рюль и некоторые другие врачи-общественники

требовали в печати улучшения дела психиатрической помощи, положив в основу принципы гуманизма. Царское правительство даже в период наибольшего проявления реакции, в царствование Николая I, не могло противостоять этим требованиям. Поэтому появляется ряд правительственных постановлений, направленных к улучшению дела психиатрической помощи. Вышедшие в этот период постановления, конечно, не могли быть полностью реализованы, так как бюрократическому правящему классу они не были нужны, но тем не менее сам факт их появления является весьма прогрессивным, особенно по сравнению с тем, что имело место в Западной Европе.

В этом отношении представляю интерес вошедшие в Свод законов некоторые положения, из которых можно сослаться на положение от 26 мая 1835 года, в котором утверждаются очень гуманные для того времени правила помещения и содержания в домах для лишенных ума.

Говоря о деятельности Рюля, необходимо подчеркнуть, что ему принадлежат некоторые работы, посвященные вопросу о необходимости гуманного отношения к психически больным. В 1839 г. он издает книгу «Краткое наставление каким образом должно обходиться с умалишенными, доколь они будут помещены в заведение, устроенное для больных этого рода, и необходимость и польза помещения их в оное».

Книга начинается очень характерным, соответствующим содержанию ее изречением: «Имей сожаление к ближнему, потерявшему драгоценнейшее для человека — рассудок, не отказывай подавать ему руку благодетельной помощи и страшись не признавать его тебе подобным».

Рюль придает большое значение своевременному помещению в специальное лечебное учреждение душевнобольных, имея в виду в первую очередь необходимость лечения их.

В то время как во Франции и Англии, не говоря уже о Германии, учреждения, где содержались душевнобольные, имели единственную цель — изоляцию их от общества в целях безопасности последнего — психиатрические учреждения России преследовали цели лечения душевнобольных.

В своей работе автор четко показывает преимущество русских психиатрических учреждений, по сравнению с подобными за рубежом, в отношении лечебной их направленности и доступности для всех больных, так как плата берется лишь с состоятельных людей.

В отношении ухода за душевнобольными в домашней обстановке в руководстве делается ряд указаний, разъяснений и

предупреждений о возможности несчастных случаев. Из этих данных видно, что реорганизация психиатрической помощи в России начинается в восьмидесятые годы XVIII столетия. Эта реорганизация на научных и гуманных началах произошла значительно раньше, чем в Западной Европе, и наша Родина с полным правом может гордиться тем, что именно у нас возникли основные принципы современной организации психиатрической помощи.

Рюль и ряд других основателей дела психиатрической помощи в России, о которых мы говорили выше, несмотря на сопротивление правящих кругов, создали образцовые для того времени психиатрические лечебные заведения. Для подтверждения этого сошлемся на описание современниками дома умалишенных при Обуховской городской больнице.

Аттенгофер в книге «Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Русской Империи», вышедшей в 1820 г., пишет о том, что положение душевнобольных в Петербурге вполне удовлетворительное, что они «живут в высоких, чистых, открытых комнатах», «...место их пребывания нередко содействует принятому плану их лечения».

О доме умалишенных при Обуховской больнице сообщает также в 1821 году и доктор Кайзер в своем «Описании дома сумасшедших в С.-Петербурге». Из описания Кайзера можно судить не только о некотором удобстве помещения, но и о принципе размещения больных по их состоянию.

В 1832 г. был опубликован «Годовой отчет Санкт-Петербургской больницы Всех Скорбящих за 1832 г.», составленный главным врачом этой больницы доктором Герцогом. Герцог пишет о том, что при организации больницы главной мыслью было «создание условий для лечения больных». При этом подчеркивается значение прогулок, водолечения, диеты и занятий больных.

Очень интересно, что уже в то время была понята необходимость создания соматического отделения. Широко применялась в больнице трудовая терапия. Различный труд применялся с учетом характера заболевания. Правильный подход к душевнобольным уже тогда рассматривался как психотерапевтический фактор.

Останавливаясь на положении душевнобольных в Московской Преображенской больнице, следует отметить, что доктор Саблер был блестящим администратором и организатором, он вводил очень ценные изменения в больничную и администра-

тивную практику. Саблер четко уточнил порядок приема в больницу психически больных и т. д.

Вся первая половина XIX века характеризовалась появлением все новых домов умалишенных, количество которых достигло 54. Во всех этих домах для умалишенных в 1852 г. содержалось 2554 душевнобольных обоюбого пола.

Несмотря на то, что к 1860 г. количество психиатрических учреждений увеличилось за счет появления отделений для душевнобольных при военных госпиталях и полицейских приютов для помешанных, для 70-миллионного населения того времени, разумеется, этого количества мест в домах умалашенных было недостаточно.

В 1884 г. по инициативе врачей общественных деятелей был составлен комитет для выработки проекта улучшения положения душевнобольных. На предложение этого комитета (в 1886 г.) построить психиатрические лечебницы в ряде городов царское правительство ответило отказом, мотивируя отказ недостатком средств. Тем не менее, по инициативе врачей-общественников, количественный рост психиатрических учреждений шел параллельно и с ростом качественным.

Приказы общественного призрения, в ведении которых находилось большинство психиатрических учреждений, подвергались разному рода реформам, направленным к улучшению положения душевнобольных.

Реформы психиатрической помощи в России связаны с именами врачей: Баженова, Штейнберга, Бартелинк, Хадрина, Аккерблюма, Мальцева, Ковалевского, Рагозина, Коссаковского, Максимова, Кожевникова, Буцке, Яковенко, Якобия, Кашенко, Говсева, Реформатского, Литвинова, Смелова, Кашенова, Чечога, Синани, Евграфова, Лебедева, Вырубова, Захарова, Ергольского, Яковлева и др. Эти выдающиеся организаторы психиатрического дела с колоссальной энергией преобразовывали имевшиеся дома для умалишенных в подлинные лечебные учреждения и построили ряд новых психиатрических лечебниц, характеризующихся всеми новейшими для того времени достижениями гигиены и строительной техники.

Период развития земской психиатрии в дореволюционное время — период особого подъема дела психиатрической помощи — достаточно подробно описан в трудах ряда авторов, поэтому в данном исследовании не ставилась задача освещения его.

Предшествующая этому периоду эпоха становления русской психиатрической организации известна очень мало, в связи

с чем она недостаточно оценена. Мало того, под влиянием элементов низкопоклонства перед зарубежной культурой, развитие дела психиатрической помощи в России рисуется в ряде работ, как результат переноса в Россию с Запада прогрессивных психиатрических идей. При этом указывается, что развитие психиатрической помощи в России и внедрение гуманных идей в психиатрическую организацию относится чуть-ли не ко второй половине XIX столетия. Эти положения являются совершенно неправильными и противоречащими историческим фактам.

Следует отметить, что спор, который шел между московскими и петербургскими психиатрами в девяностых годах прошлого столетия и в начале нынешнего столетия о том, кого считать русским Пинелем, был необоснованным.

Такого рода сопоставления оскорбительны для нашей Родины. Россия не нуждалась в своем Пинеле, так как еще до того как он начал внедрять гуманные идеи во Франции, Россия уже проявляла гуманное отношение к психически больным. Да и России не нужен был Пинель, так как в ней никогда не было столь жестокого отношения к психически больным, как на Западе.

Задерживающим фактором развития психиатрической помощи и науки на Западе, по сравнению с Россией, явилась христианская религия и в особенности католическая, так как наука, в том числе и медицина, находилась под непосредственным влиянием церкви. Религия у нас не имела столь большого значения и она не находила такую плодородную почву, как на Западе.

Как известно, еще Белинский указывал, что русский народ по натуре глубоко атеистический. А. С. Пушкин в своих исторических замечаниях также указывает, что в нашем народе существовало презрение к священникам и равнодушие к отечественной религии. Материалистический скептицизм русского народа воспрепятствовал развитию религиозного фанатизма.

Таким образом, объясняя причины жестокого, по сравнению с Россией, отношения к психически больным в Западной Европе, мы считаем, что сущность их определяется резко выраженным религиозным фанатизмом. А так как религия, как это доказано основоположниками марксизма-ленинизма, противостоит науке, то совершенно очевидно, что в Западной Европе, в противоположность России, не создавалось предпосылок для правильного понимания психических заболеваний, и именно поэтому миллионы психически больных сжигались на кострах.

Их даковывали в цепи, держали в подаемельях, за деньги показывали публике, причем служители старались всячески их дразнить, раздражать, чтобы тем самым вызвать смех у артелей и заслужить подачку.

В образцовом английском психиатрическом учреждении в Бедламе психически больные содержались в конце XVII в. да и позднее в маленьких комнатах с дырами в стенах вместо окон, переплетенными толстыми железными брусьями, с каменным полом, без печей, без какой бы то ни было мебели. Психические больные находились на прогнившей соломе, без всякого платья, были прикованы цепями к стене. По несколько человек в таком каменном мешке они оставались обыкновенно на всю жизнь. Приставники, вооруженные плетью, заглядывали сюда для того, чтобы укротить разбушевавшихся. Эти учреждения не преследовали никаких лечебных целей.

Позднее начали применять «лечение», но медицина, сжатая в тисках древнего гуморализма, меньше всего действительно могла лечить. Душевнобольной в период «лечебный» оставался в оковах, его попрежнему наказывали кнутом, который употребляли «с воспитательной целью».

Такие воззрения на лечение душевнобольных оставались господствующими до конца XVIII столетия и еще во второй половине прошлого столетия находили себе сторонников в некоторых университетах.

Снятие цепей Пинелем вошло в историю западно-европейской психиатрии как поворотный момент, ознаменовавший новую эру. В XIX веке в некоторых государствах создаются особые правительственные комиссии, на обязанности которых лежал надзор за обращением с душевнобольными. На подготовленной таким образом почве англичанин Конолли в 1837 году провозгласил систему нестеснения.

С этого времени на протяжении многих десятилетий в Англии продолжалась борьба мнений по поводу системы нестеснения. Многие руководящие психиатры Англии в конце 70-х годов прошлого столетия высказывались за то, что система относительного стеснения и, в частности, применение камзолов есть лучшая мера обуздания психически больных.

Возвращаясь к концу XVIII и началу XIX веков, мы видим, что в Западной Европе жестокое отношение к психически больным осуществлялось в полной мере.

В 1818 году преемник Пинеля Эскироль, врач Сальетриера, посетивший специально все дома умалишенных во Франции, в докладной записке, представленной французскому

министру внутренних дел, описывает крайне тяжелое положение душевнобольных.

Эскироль указывает, что помещения, в которых находятся умалишенные, совершенно непригодны для жизни, что комнаты или вернее конуры и темницы лишены воздуха, не освещаются, сыры, выложены камнями и находятся под землей.

Другой ученик Пинеля, врач того же Сальпетриера Этьен Паризе в своей речи, посвященной памяти Пинеля, говорил, что «зданье было совершенно непригодно для жилья. Заключенные, скорченные и покрытые грязью, сидели в каменных карцерах, узких, холодных, сырых, лишенных света и воздуха, ужасные конуры, куда не хватило бы духа запереть самое отвратительное животное».

Из изложенного видно, что в самой передовой стране Западной Европы через 25 лет после снятия Пинелем цепей с душевнобольных эти же самые цепи продолжали оставаться главным средством, применяемым для ограждения общества от психически больных.

Гуманные высказывания Пинеля, Эскироля и нескольких врачей были еще голосами одиночек, которые не находили себе поддержки ни в общественном мнении, ни, тем более, у представителей государственной власти.

Если так было поставлено дело во Франции, на родине Пинеля, даже в тех парижских больницах, где он сам работал, то в других странах Западной Европы дело психиатрической помощи еще более отставало.

Во многих психиатрических заведениях Западной Европы в двадцатых и тридцатых годах XIX столетия «цепи были прикованы ко всякому столу и ко всякой постели».

Сравнивая постановку дела психиатрической помощи в России и странах Западной Европы в конце XVIII и в течение XIX века, мы можем констатировать, что Россия безусловно шла впереди остальной Европы не только в провозглашении гуманных принципов нестеснения, но и в реализации этих принципов на деле.

Говоря о развитии психиатрической науки в России, нужно подчеркнуть, что, вопреки космополитическим утверждениям некоторых русских психиатров конца XIX и начала XX столетия, русская психиатрическая наука начала свой интенсивный рост уже в самом начале прошлого столетия. Можно при этом указать, что русская психиатрическая наука, не чуждаясь и не отторгаясь от научных достижений Западной Европы, развивалась самобытно и что, самое важное, очень рано, задолго

до западной психиатрической мысли, стала на наиболее прогрессивный материалистический путь.

На формирование материалистических взглядов русских психиатров оказали влияние выдающиеся русские философы и прежде всего Радищев и некоторые декабристы.

У лучших представителей русской медицины появляются правильные материалистические представления о сущности психических заболеваний, значительно более прогрессивные, чем воззрения большинства их современников в Западной Европе.

На первом месте среди этих выдающихся представителей материалистического направления в русской медицине нужно поставить профессора Московского университета Иустина Евдокимовича Дядьковского. В своей книге, изданной в 1836 году под названием: «Общая терапия, сочиненная для руководства слушателей...», он высказывает несомненно материалистические взгляды на сущность нервных и психических заболеваний. В изданных уже после его смерти «Лекциях частных терапевтических» Дядьковский во второй части этого руководства говорит о нервных и психических заболеваниях.

Очень существенным является причисление Дядьковским психических расстройств к числу заболеваний нервной системы. Из этого с совершенной очевидностью явствует, что Дядьковский стоял на отчетливых материалистических позициях.

Исключительно интересными для нашего времени являются суждения Дядьковского о том, что он подчеркивал ведущее значение нервной системы для всех функций организма. По этому поводу Дядьковский пишет «...что нервная система составляет источник всей деятельности нашего тела и что без нее никакое живое действие совершаться не может».

Учение о нервизме, выдвинутое С. П. Боткиным и развитое И. П. Павловым, в своем зародыше проявлялось как раз в этих положениях Дядьковского.

И. Е. Дядьковскому мы обязаны также первой русской классификацией психических заболеваний. При описании болезни обращает на себя внимание тот факт, что автор при этом выделяет многие симптомы, с которыми мы встречаемся и теперь, правда под другими названиями.

Многие представители высшей аристократии в России первой половины XIX века отличались низкопоклонством перед западной культурой и космополитизмом.

Дядьковский боролся с этим космополитизмом еще 127 лет назад, говоря, что он мешает развитию прогрессивных идей русской медицины.

Подчеркивая свое отношение к «иностранный учености» и характеризуя свои научные взгляды, Дядьковский говорит, что «...приученный с молодых лет моих не признавать ничего умоположения за истину иначе, как только убедившись в истинности его верности и логического и нравственного и физического его употребления, и поэтому свободным от всякого пристрастия к иностранной учености, столь часто логически-нелепой, нравственно-безобразной, физически-негодной для употребления...».

По словам Дядьковского, «русские врачи при настоящих сведениях своих полную имеют возможность свергнуть с себя ярмо подражания иностранным учителям и сделаться самобытными». Дядьковский еще тогда придавал большое значение психотерапии.

Из всего изложенного ясно, что Дядьковский стоял значительно выше своих современников, правильно материалистически представляя сущность психических болезней и правильно оценивая лечебные факторы, чего не делали его современники.

В одно время с Дядьковским в Петербурге работал С. Громов, который издал в 1832 году «Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления». В этой большей по объему книге (573 страницы), кстати сказать, переизданной в 1838 году, II глава целиком посвящена психиатрическим вопросам. Автор высказывает свои суждения о сущности психических заболеваний, их причинах, а также описывает клинику различных психозов. Интересными для нашего времени являются высказывания Громова о том, что причины психических заболеваний останутся загадочными для нас до тех пор, пока «высшая физиология» не разъяснит взаимоотношение тела и души.

Такого рода суждения Громова не являются случайными, так как он высказывает ряд материалистических положений, которые сводятся к признанию того факта, что психическое является функцией мозга. Громов подчеркивает, что даже ненахождение материальных изменений в мозгу у некоторых психически больных вовсе не свидетельствует о том, что этих изменений нет и говорит скорее о том, что мы еще не умеем эти изменения находить. Опровергая идеалистическое представление о «болезни души», он заявляет, что «если

бы умаление зависело от прямого или непосредственного страдания души, то употребленные против него физические врачебные средства никогда бы не могли принести пользы. Между тем опыт показывает совершенно тому противное».

Заслуживают особого внимания мысли Громова о значении различных этиологических факторов, вызывающих психическое заболевание. Он разделяет их на располагающие и случайные причины. Таким образом, Громов усматривает среди причин болезни как явно внешние, вредоносные факторы, так и почву, на которую они падают.

Касаясь вопроса о неизменяемости слабоумных, отмечая разные степени умственной отсталости, он говорил, что при легких степенях слабоумия (видимо имея в виду легкие степени дебильности) правонарушитель должен быть признан ответственным за совершенные им преступления.

Конечно, в высказываниях Громова, как и в положениях Дядьковского, мы иногда находим некоторые идеалистические представления. Однако, все же оба эти автора обнаруживают явное тяготение к материалистическому мировоззрению.

Хотя приводятся лишь ссылки на работы Дядьковского и Громова, однако следует иметь в виду, что психиатрическими вопросами в первой половине XIX века занималось значительное число русских врачей. Так, мы можем указать на то, что в 1817 году на торжественном заседании Московского университета Мухин произнес речь на тему «О месте и действии чувствительности». В 1824 г. Федор Макеев защитил диссертацию на тему «Об истерии». В 1825 году защитили диссертации Александр Карпачев на тему «О сне», Василий Тихомиров на тему «О параличе», Иван Ястребцов на тему «О функциях нервной системы», Андрей Солнцев на тему «О природе, диагностике и лечении психических болезней» и Федор Красноковский на тему «Об эпилепсии».

Говоря о первых научных работах русских психиатров, появившихся в первой половине XIX века, нельзя не упомянуть о том, что ряд рукописных работ появился еще в XVII столетии. Эти рукописи, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, содержат очень много интересных мыслей, указывающих на то, что русские врачи даже того периода уже интересовались психическими болезнями. В частности, в этих рукописях наибольший интерес проявляется к «меланхолии». Высказывается предположение о ее происхождении и предлагаются некоторые методы лечения.

Эти данные представляют большой интерес в том отношении, что даже в XVIII веке русские врачи рассматривали психическое расстройство как болезнь.

Касаясь вопроса о том, в какой последовательности начиналось в русских высших учебных заведениях преподавание психиатрии, следует подчеркнуть, вопреки мнению В. П. Осипова и А. О. Эдельштейна, что первым русским профессором психиатрии был Петр Александрович Бутковский. В 1834 году он был назначен ординарным профессором в Харьковский университет по кафедре хирургии и «Науки о душевных болезнях».

Хотя Дядьковский еще в 1831 году в Московском университете и включает в курс внутренних болезней раздел, посвященный нервным и психическим болезням, однако лишь в 1834 году впервые в России официально вводится в Харьковском университете курс психиатрии.

Только через два года, в 1836 году, в Петербурге в Медико-хирургической академии начал вести преподавание психиатрии адъюнкт-профессор П. Д. Шиншупский. В Московском университете официально психиатрия преподается профессором Х. Г. Бунге только с 1837 года.

Эти данные противоречат распространенному представлению, что психиатрия начинает преподаваться в России с 60-х годов прошлого столетия, т. е. с тех пор, как И. М. Балинский занял кафедру психиатрии в Медико-хирургической академии.

Конечно, мы должны гордиться именем Балинского, т. к. именно от него начинается бурный рост психиатрической науки. Его преемники, сначала И. М. Мержековский, а затем В. М. Бехтерев в Петербурге и С. С. Корсаков в Москве, подняли русскую психиатрическую науку на высоту, которой не могли достигнуть ученые других стран. Однако следует полагать, что отнесение начала развития русской психиатрической науки к 60-м годам прошлого столетия не только не справедливо, но и является непростительной недооценкой развития нашей науки, которая якобы возникла вслед за научными психиатрическими достижениями Западной Европы и лишь стала развивать чужие научные взгляды.

Имя Петра Александровича Бутковского входит в историю отечественной психиатрии не только потому, что он был первым русским профессором психиатрии, но и потому, что им написан первый в России учебник психиатрии, который выпущен в 1834 году под заглавием: «Душевные болезни,

изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом содержании». В своем учебнике Бутковский высказывает иногда ряд идеалистических представлений о сущности психических болезней, но вместе с тем он подчеркивает, что «органами души служит мозг и нервы».

Большой интерес представляет раздел книги, трактующий о лечении психических болезней, кстати сказать, указывающий на активные терапевтические установки Бутковского. Автор в своем учебнике подчеркивает преимущество русской психиатрической помощи перед западноевропейской.

Исходя из изложенного в учебнике можно заключить, что перед нами выступает образ гуманного психиатра первой половины XIX столетия.

Второй по времени учебник психиатрии принадлежит Павлу Малиновскому. Этот учебник издан в 1855 году под заглавием «Помешательства».

Прежде чем говорить об учебнике Малиновского, о втором русском учебнике психиатрии, следует остановиться на том, откуда черпала первая русская психиатрия свое материалистическое воззрение. Надо полагать, что на первых русских психиатров особенно большое влияние оказывали русские философы-материалисты домарковского периода. Не могли не оказать на передовых психиатров должного влияния и смелые высказывания представителей русской революционной теоретической мысли, какими были Герцен и Белинский.

В. И. Ленин указывал, что в главных направлениях передовой общественной мысли России имеется солидная материалистическая традиция.

Несомненно находившийся под влиянием Герцена и Белинского Малиновский создал целую систему психиатрических воззрений, основанных на материалистических представлениях.

Нельзя не констатировать того, что уже в то время Малиновский писал о том, что причины психозов могут быть различны. Среди этих причин он особое значение придавал тяжелым условиям общественного быта — бедности, нарушениям правильного воспитания, неправильному образу жизни. С другой стороны, он подчеркивал значение наследственного предрасположения «устройству организма». Среди причин психических заболеваний автор важное значение придавал эпидемиям, пьянству, ушибам головы, воспалению мозга, истощению, психогениям, «сильным впечатлениям,

чувствам и страстям, печали, отчаянию, излишнему напряжению умственных способностей». Наконец, Малиновский очень отчетливо подчеркнул социальные причины психических болезней.

В лице Малиновского перед нами выступает образ в высшей степени гуманистического психиатра. Малиновским предъявляются большие требования к врачу-психиатру. «Он должен изучить не только своих больных, но и человека, как существо мыслящее, составить себе известное мировоззрение».

Указывая на эти высказывания первых русских ученых психиатров, нам хотелось подчеркнуть, что Россия шла значительно впереди Западной Европы не только в отношении организации психиатрической помощи, но и в теоретическом отношении. В это время в Западной Европе и особенно в Германии с наибольшей силой проявлялось идеалистическое направление. В России же того времени материалистическое направление характеризовалось своей действительностью, активностью и практическим приложением.

В литературе, искусстве и в самых разнообразных отраслях науки, в том числе и в психиатрии, материалистические идеи, отражающие реальную жизнь, с попытками преобразовать эту реальность, нашли свое полное воплощение.

В дальнейшем русская психология и психиатрия тесно смыкаются с физиологией. Единый путь психологии, физиологии и психиатрии стал в XIX столетии отличительной чертой развития этих наук в нашем отечестве в отличие от того, что имело место в развитии этих наук за рубежом.

Особенно отчетливо это проявлялось с выходом в свет работ И. М. Сеченова. Сеченов, встав на материалистический путь, с полной убедительностью возражал против идеалистических воззрений. Точку зрения Сеченова развивали такие корифеи науки, как И. И. Мечников, И. П. Павлов и другие выдающиеся ученые нашей страны.

Материалистические воззрения в работах Чернышевского и Добролюбова, которые в значительной части были источниками идей Сеченова, создают в последней четверти прошлого столетия те предпосылки, которые, влияя на умы русских психиатров, обусловили интенсивный рост научной психиатрической мысли. Однако самые первые истоки развития русской психиатрической мысли находились на рубеже XVIII и XIX столетий.

459930

